

— Завались! — сказал Хо Жань.

Хо Жань определил по ощущениям, что проснулся из-за холода. Открыв глаза, он обнаружил, что одеяло отброшено в сторону, а соседushки уже встали и чистят зубы в ванной. Плохое настроение от пробуждения, которое по привычке у него возникало каждое утро, удалось изжить с помощью ежедневного сдираания с него одеяла. Он вздохнул, повернулся на бок и натянул одеяло обратно — всё равно ребята ещё были в ванной, так что почему бы и не поспать ещё пять минуточек...

Кто-то дёрнул за одеяло и снова откинул его. Этим кто-то был Цзян Лэй, который стоял возле кровати, чистя зубы, и пристально смотрел на Хо Жана.

— А-а-а, — протянул Хо Жань.

— Вставай давай, — сказал Цзян Лэй. — После завтрака... Сегодня же англиш зубрим?

Ху И кивнул рядом с ним:

— Да.

— Хо Жань, ты уже второй день не можешь встать нормально, — упрекнул Цзян Лэй с серьёзным лицом.

— Ай, ладно, ладно. — Хо Жань сел, запустил руку в волосы и взъерошил их так, что они встали

торчком, затем медленно встал с кровати. — Встал я.

Для выплеска этой утренней раздражительности не находилось места. Ребята установили себе правило вставать на полчаса раньше положенного, и тот, кто просыпался первым, должен был будить всех остальных, даже если для этого придётся скидывать одеяло или отбирать подушку.

Причина такой жестокости коренилась не только в желании встать и позаниматься, но и в невидимом давлении, которое оказывали на них чокнутые из других комнат. Вставали в самую рань не только они всемером, и начало такой практике, если уж на то пошло, положили тоже не они. Распорядок дня всех учащихся выпускного класса передвинули на более раннее время, и пока ребята вставали и выполняли утренние процедуры, кто-то из других комнат уже убежал на стадион с учебниками и прочими материалами.

Они даже позавтракать не успевали, сначала повторяли материал, потом шли в столовую, покупали чего-нибудь перекусить на ходу и съедали всё к тому времени, как приходили в класс. А брали поесть исключительно потому, что учителя заставляли всех завтракать, следили за ними на стадионе и в классе. Иногда Лао-Юань покупал кучу завтраков и стоял у дверей, а когда находил детишек, которые не поели, то отдавал им по порции.

До последнего года обучения Хо Жань совсем ничего не знал о жизни выпускников, но теперь, можно сказать, испытал это на себе. Знакомые, с которыми он учился в младших классах и которые дальше пошли в обычные школы, уже основательно впряглись в учёбу. Будучи отстающим учеником престижной школы среди большинства отличников он чувствовал себя неуютно, если не поспевал за ними. Но это было так утомительно.

Умывшись и почистив зубы, он вышел ванной, покинул комнату и прислонился к стене в коридоре, ожидая, пока выйдут остальные ребята из комнаты напротив. Он не удержался и закрыл глаза. А открыл их, когда Коу Чэнь щёлкнул его по носу холодным пальцем.

— Пойдём, — мотнув головой в сторону лестницы, сказал Коу Чэнь.

Хо Жань безмерно восхищался им — он поздно ложился спать и поднимался в самую рань, но вопреки этому излучал энергию и сиял здоровьем. Даже успевал мыть голову каждое утро.

Хо Жань последовал за ним с закрытыми глазами, положив лоб на его плечо.

— К лестнице подходим! — предупредил Коу Чэнь.

— Угу, — ответил Хо Жань.

— Когда, говорил Юань-лаоши, родительское собрание? — спросил Вэй Чаожэнь.

— Послезавтра, — сказал Сюй Чжифань. — Предпоследнее родительское собрание перед экзаменами.

— Мне кажется, моя мама волнуется больше, чем я, — сказал Цзян Лэй. — Вот Лао-Юань же просил родителей не докапываться до нас и не сыпать вопросами, там, как проходит наша подготовка, как мы себя чувствуем, сильно ли мы устали, так?

— Ага, — ответил Сюй Чуань. — А что? Мама названивает тебе?

— Не названивает. И даже не пишет. Я звонил вчера домой и узнал от папы, что она,

оказывается, когда со мной хочет связаться, заваливает своими тревожными сообщениями его. Говорит, больше сотни сообщений в день от неё.

— Она у тебя творческая, да? Нашла выход из положения, — сказал Ху И.

Ребята рассмеялись.

— После обеда моя сестра будет в этом районе по работе, хочет сводить нас поесть, — сказал Коу Чэнь. — Вы за?

— Да! — хором ответили ребята.

Хотя обратный отсчёт уже давно перешёл на двузначную отметку, и подготовка всё сильнее довлела над ними, абсолютно ничего не могло погасить их страсть к еде.

Лао-Юань был в классе с самого утра. Независимо от того, по какому предмету проходила утренняя самоподготовка, он приходил их проведать — ходил по классу и проверял всех по одному. Так он и выявил у нескольких человек повышенную температуру.

— Сейчас хоть и тепло, — заговорил Лао-Юань, обходя класс, — но ваш организм подвергается нагрузкам. Вы рано встаёте и поздно ложитесь, питаетесь вы тоже плохо, поэтому уделяйте здоровью внимание. В таких условиях легко простудиться и заработать жар. Вы услышали меня?

— Услы-ы-ышали, — протянули ученики.

— Вы сообщили родителям о послезавтрашнем собрании? — Лао-Юань прошёл к учительскому месту. — Задержитесь на минутку, я хочу вам кое о чём рассказать.

Все подняли головы и посмотрели на него.

— Помните, в прошлом году я попросил вас написать письма?

— Помним!

— Естественно! Вся школа изошлась белой завистью тогда.

— Я это на всю оставшуюся жизнь запомню.

— А почему вы спрашиваете, Лао-Юань?

— Я тогда сказал, что после прочтения сожгу письма, — продолжил Лао-Юань, — но я солгал. Я не сжёг их... В основном потому, что не нашёл подходящего места для сжигания. А их, между прочим, была такая куча...

Класс наполнился смехом.

— И что получается? Вы теперь хотите вернуть нам эти письма? — спросил Коу Чэнь.

— Как раз нет. На самом деле, моей первоначальной задумкой было передать письма вашим родителям перед выпуском, чтобы они после того, как узнали мысли других детей, могли теперь увидеть мысли своих собственных.

В классе постепенно стало тихо.

— Изначально я хотел подождать до выпуска, но я понимаю, что многие сейчас испытывают давление, отчасти со стороны родителей, поэтому я хочу отдать им эти письма сейчас и позволить поразмыслить о том, что они чувствовали во время чтения письма год назад... В какой-то степени это поможет их растрогать и снять с вас их нереалистичные требования, а потому обеспечит вам непринуждённую и комфортную обстановку для финишного рывка в эти оставшиеся дни до экзаменов.

Кто-то начал хлопать, и весь класс подхватил аплодисменты.

— Но прошёл год, и взгляды человека могли измениться. Если кто-то не хочет показывать родителям своё письмо, можно сказать мне. Каждый должен сначала найти из стопки писем своё, подписать и вернуть. Учащиеся, которые не хотят показывать свои письма, могут оставить их себе и распорядиться ими на своё усмотрение...

Хо Жань сидел боком к парте, откинувшись спиной на стену, и смотрел на Коу Чэня:

— Хочешь показать папе своё письмо?

— Хочу! — Коу Чэнь вытащил из кармана шоколадку, развернул её и поднёс к его рту. — Мне кажется, будет актуально показать его Коу-Лао-эру спустя год, чтобы он мог увидеть, как сильно я его тогда не любил.

— М-м. Я тоже хочу, чтобы мои родители прочитали моё. — Хо Жань откусил от шоколада. — Мне иногда неловко говорить им всякое такое в лицо.

— Ох... — вздохнула Тан Вэй, сидящая позади них, и уронила голову на парту.

Хо Жань посмотрел на неё:

— Ты чего?

— Вы можете проявить милосердие? — Тан Вэй сжала кулаки. — Это же всего лишь шоколадка, обязательно так... так... дразнить?..

Хо Жань отвернулся и слегка смущённо рассмеялся.

— На. — Коу Чэнь достал другую шоколадку и положил её перед Тан Вэй. — С дроблёным фундуком, вкуснявая.

Тан Вэй взяла шоколадку и радостно посмотрела на Коу Чэня:

— Не покормишь меня?

— Имей сдержанность, — ответил Коу Чэнь.

Тан Вэй захихикала, всё так же лёжа на парте.

— Спасибо тебе, богоподобный красавец.

— Вообще-то, ты всегда точишь мои вкусняхи. А щас вдруг включила двуличницу.

— Давайте лелеять нашу дружбу, которая продлится всего несколько десятков дней. — Тан Вэй внезапно вошла в режим сентиментальной печали. — После экзамена все, кто здесь, разойдутся в разные стороны. Сколько шансов встретиться у нас будет потом? Даже наши контакты в Вичате заполнятся новыми друзьями и однокурсниками...

То, что сказала Тан Вэй, всё-таки было правдой. Среди друзей в Вичате у Хо Жаня осталось очень мало бывших одноклассников из средней школы, с которыми он поддерживал связь. Но когда кто-то публиковал посты в Моментях, они уже не находились на одной частоте и порой даже не знали, стоит ли лайкать. Из всех же его групповых школьных чатов самым активным был нынешний — 1-й гуманитарной группы выпускного года. Ну и естественно чат с ребятами. Хо Жань открыл его и быстро напечатал сообщение.

Давайте лелеять нашу дружбу! Пусть она длится веки вечные

— Он что-то замышляет? — Цзян Лэй оторвал взгляд от телефона и посмотрел в сторону парты Коу Чэня и Хо Жаня.

— Что замышляет? — спросил Коу Чэнь и полез в телефон.

Хо Жань улыбнулся.

Сюй Чжифань добавил от себя:

Выпьем за наше братство! Ура!

Остальные тут же поддержали и повторили его слова. Откуда у них взялась эта привычка складировать скопированное сообщение в столб — непонятно. Похоже, совсем нечем заняться балбесам.

Выпьем за наше братство! Ура!

Выпьем за наше братство! Ура!

Выпьем за наше братство! Ура!

Коу Чэнь тоже скопировал и отправил. Хо Жань улыбнулся и отправил то же самое вслед за ним, но стоило появиться этим последним сообщениям, как направление ветра внутри чата сменилось, и Сюй Чуань возглавил следующую цепочку сообщений:

Под каких это братьев вы с ним косите?

Под каких это братьев вы с ним косите?

Под каких это братьев вы с ним косите?

В конце Ху И даже испортил цепочку и припечатал:

Бесстыжие

Хо Жань лежал на парте и смеялся, затем посмотрел на Коу Чэня и прошептал:

— Ты задумывался обо всём этом?

— О вероятности, что мы поступим в разные универы? — спросил Коу Чэнь.

Хо Жань промолчал.

— Я допускаю, что не пройду в один универ с тобой, — ответил Коу Чэнь. — Твои оценки всегда были выше моих.

Хо Жань протянул палец к его лицу и ткнул в щёку.

— Но главное, что мы будем в одном городе, — продолжил Коу Чэнь. — Я сказал папе, что куда поедешь ты — туда и я. Его это устраивает. Так что я могу поехать, куда пожелаю.

— А потом купит тебе там квартиру, да? — спросил Хо Жань.

— Он заговаривал об этом несколько раз, но я не согласился, — прошептал Коу Чэнь. — Такое чувство, что ему негде прожечь кучу бабла. Совсем того.

— А сам ты, что ли, не прожигашь кучу бабла? Это же семейная традиция у вас.

— Иди нах, — рассмеялся Коу Чэнь. — Короче, об этом даже не беспокойся, мы обязательно будем вместе. Вместе регистрируемся в универах и вместе вернёмся домой на каникулы... Как же здорово думать об этом.

На Хо Жаня словно снизошло вдохновение, он тут же сел прямо:

— Давай повторять?

— Может, лучше отхлещешь меня?

— С какой силой предпочтёшь? — Хо Жань прищурился.

— Без разницы. Как можно жёстче.

— Итак, — Хо Жань открыл учебник, — первый удар плетью...

На родительском собрании третьегодок присутствовали все родители, включая и бабушек с дедушками, которые раньше обычно не приходили, а в этот раз пришли — из опасения, что пропустят какую-либо важную информацию. Юань-лаоши проводил собрание не в классе, а отвёл родителей и пожилых в лабораторный корпус, где нашёл пустой класс. Коу Чэнь потащил туда Хо Жаня, чтобы подслушать, но Лао-Юань, заметивший их, вышел из класса и отослал их прочь. Но небольшой отрывок начала они всё же успели услышать.

Вот что сказал Лао-Юань: «Это последний этап. Давление, которое дети и сами на себя оказывают, очень велико — у них есть цели и требования к себе, возможно, более чёткие и практичные, чем ваши. Поэтому сегодня я позвал вас сюда только с одной целью: не

добавляйте им давления перед экзаменами, в частности, не навязывайте им свои ожидания и цели, пусть и намерения у вас благие... Эти письма — те самые, что вы читали когда-то, написанные чужими детьми, которых вы могли поставить в пример своим*. Сейчас я прошу вас прочитать письма ваших собственных детей. Год назад вы расчувствовались содержанием письма чужого ребёнка и погрузились в размышления, как и другие родители — содержанием письма вашего. Сегодня, пожалуйста, проникнитесь письмами своих детей и задумайтесь. Сами письма имеют мало общего с Гаокао, но на сегодняшний день их содержание очень актуально. У меня же два эгоистичных мотива: первый — обеспечить им беззаботную атмосферу перед экзаменами, второй — обеспечить им терпимое и понимающее отношение после экзаменов. Если они достигнут своих целей, я настоятельно прошу вас оставить свои ожидания и требования. Если достигнуть свои цели у них не получится, пожалуйста, максимально, как только можете, утешьте детей и окажите им поддержку».

*□□□□□□ — ребёнок из другой семьи, которого любят ставить в пример родители, русскоязычный аналог — сын маминой подруги

По пути в класс Коу Чэнь решил свернуть в магазинчик, чтобы купить чего-нибудь пожевать. Идя в класс с пакетом закусок в руке, он вздохнул:

— Вот как думаешь, мой папа заплачет?

— От письма ты имеешь в виду? — спросил Хо Жань.

— Ага, — кивнул Коу Чэнь.

— Вполне может. — Хо Жань вспомнил содержание письма Коу Чэня. — Как там не заплакать-то от злости?

— Бле-е. — Коу Чэнь уставился на него. — Базарчик фильтруй!

— От умиления, — тут же исправился Хо Жань. — В тот раз, когда я читал, я подумал, что это очень мило, поэтому растрогался.

— Папа тогда спросил меня, что я написал, — цокнув, сказал Коу Чэнь. — Я не хотел ему говорить. В то время же мы не могли болтать о таком, точно бы поссорились.

— Теперь всё по-другому. — Хо Жань потянулся. — Год прошёл... Сколько перемен произошло! Я даже вырос ещё на три сантиметра...

— Когда это ты измерялся?

— На прошлой неделе. Чуань-гэ ходил в медпункт в поисках духовного утешения, а я пошёл с ним, измерился.

— Чуань-гэ небось рассчитывает вернуться в альма-матер, чтобы работать в медпункте и стать коллегой Тао Жуй... Каждый день, если появляется время, захаживает туда.

— Чжифань тоже иногда ходит. Ставит ему палки в колёса.

— Они, наверное, уже задолбали Тао Жуй, — с улыбкой сказал Коу Чэнь и похлопал Хо Жаня по плечу. — Как же хорошо, что у тебя есть я! А то и тебе пришлось бы каждый день бегать в медпункт.

— Не обязательно. — Хо Жань на мгновение задумался. — Я бы, может, к Сяо-Чэнь-лаоши в учительскую бегал.

Коу Чэнь собирался что-то сказать, как вдруг сзади раздался встревоженный голос Тао Жуй:

— Вызовите скорую, а мы пока туда!

На мгновение они застыли, а когда обернулись, то увидели Тао Жуй и ещё одного медработника, которые бежали к учебному корпусу, а за ними — несколько учащихся с аптечками в руках.

— Технари из четвёртой, — узнал Коу Чэнь и громко позвал: — Что случилось?

— У нас кто-то упал в обморок! — ответили ему.

— Пиздец. — Коу Чэнь замешкался, затем посмотрел в сторону корпуса и увидел, что на третьем этаже собралось много людей, поэтому он снова крикнул: — Нужна помощь?

— Нет! — крикнула Тао Жуй, обернувшись. — Вы давайте в класс идите, чего вы шатаетесь снаружи во время урока? Возвращайтесь!

— О, ага! — ответил Коу Чэнь и снова посмотрел на третий этаж. — Кажется, кого-то выносят.

— Угу. — Хо Жань, прищурившись, тоже наблюдал. — Похоже, что да... Я думал, наш последний год будет самым чётким, без несчастных случаев.

— Это всё напярк из-за экзаменов. В той моей днищенской школе тоже всё-таки были третьегодки, которые вкалывали и сваливались в обморок... У тебя близорукость, что ли?

— Нет? — Хо Жань перевёл взгляд на Коу Чэня. — Почему ты спрашиваешь?

— Ты только что шурился.

Хо Жань слегка удивился:

— Я шурился?

— Ты не заметил? — Коу Чэнь застыл на мгновение, повернулся к доске объявлений позади себя и указал на неё: — Ты хорошо видишь отсюда текст объявлений?

Хо Жань повернул голову, чтобы посмотреть, и через две секунды заорал:

— В глазах расплывается! Сука! Я что, близорукий? Я не могу разобрать! Расплывается!

— Вообще ни единого слова не можешь разобрать? — Заметив его встревоженный вид, Коу Чэнь успокаивающе помял его плечо. — Да ничего страшного, если ты и правда близорукий! Кто у нас в группе не носит очки? У Лэй-Лэя вообще вон за минус два опустилось.

Хо Жань пристально посмотрел на него:

— Так у него давно плохое зрение, а очки он начал носить только в этом году! «Обратите внимание! Недавно обнаружилось, что некоторые учащиеся первого и второго годов обучения выдают себя за третьегодок, чтобы получить бесплатные удвоенные порции»...

— Ну вот, видишь же? — утешил Коу Чэнь.

— Но ведь расплывается! Раньше такого не было. — Хо Жань всё не находил себе места. — Я не хочу быть близоруким.

— Может, это просто из-за усталости глаз. Близорукость не такая уж и страшная...

— Мне не идут очки. Я пробовал надевать очки с простыми стёклами, но смотрелось уродливо, я был похож на какого-то псевдоинтеллектуала. Как будто это украденные очки.

Коу Чэнь долго смотрел на него, после чего заговорил:

— И всё? Только из-за этого?

— Ну а из-за чего ещё? — с насупленным лицом проворчал Хо Жань.

— Блять. — Коу Чэнь рассмеялся. — Ты меня просто поражаешь. Подожди!

Хо Жань посмотрел на него:

— Чего?

Коу Чэнь достал телефон и набрал Коу Сяо.

— Что у тебя?! Папа не на собрании? — закричала Коу Сяо, как только подняла трубку. — Он больше часа назад уехал!

— Да здесь он, здесь. Я не поэтому звоню.

— Зачем тогда? Не хочешь идти на занятия? Я помогу отпроситься.

— Нет. Купи мне лампы для защиты глаз, а то у меня расплывается в глазах, когда я на что-то смотрю.

— Лампы? Сколько? — сразу же спросила Коу Сяо.

— Восемь.

— Я попрошу Лао-Яна прислать вечером. Будь на связи.

— Ага. — Коу Чэнь завершил звонок.

Хо Жань вопрошающе посмотрел на него:

— Лампы для защиты глаз?

— Именно! По одной на каждого из нас. — Коу Чэнь обнял его за плечи. — Вечером, когда занимаемся в общаге, мы как-то забиваем на этот пунктик... С этой лампой станет лучше...

— Угу. — Хо Жань вдруг почувствовал, как защипало в носу. В последнее время он был подвержен эмоциональным колебаниям, и очередная волна могла унести эмоции в сторону плаксивости.

— Наш Жань-Жань точно не будет близоруким.

— Без телячьих нежностей, — с холодом произнёс Хо Жань.

— Тем более наш Жань-Жань в любом обликии хорош собой и привлекателен... — продолжил Коу Чэнь.

— Завались!

<http://bllate.org/book/14311/1267092>